

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: к 100-летию НЭП

© 2022

Д.Б. Эпштейн¹

НЭП КАК ПРЕРВАННОЕ ДВИЖЕНИЕ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ*

Ключевые слова: социализм, СССР, новая экономическая политика, товарно-денежные отношения, государственное регулирование, социализм, государственный капитализм.

От явления к сущности НЭПа

Анализируя всякое достаточно сложное явление и стремясь понять основное в его содержании, а НЭП – безусловно, сложное и противоречивое явление, целесообразно пойти от явления к сущности, то есть сначала выявить и описать основные видимые характеристики этого явления, а уже затем попытаться сформулировать основное противоречие (или основные противоречия) этого явления. Это основное противоречие может помочь лучше понять содержание и закономерности в развитии данного явления.

Мы пойдем далее этим путем и в заключение попытаемся определить тот общественный строй или период в развитии общественного строя, к которому мы вправе отнести НЭП.

Основные социально-экономические процессы НЭПа и их противоречивость

Как уже было сказано, НЭП – это противоречивое единство многочисленных социально-экономических процессов. Перечислим тезисно основные (как нам представляется) процессы.

1) В годы НЭПа имело место достаточно быстрое восстановление экономики, разрушенной гражданской войной. Промышленное производство к 1921 г. упало до уровня 20%, а сельскохозяйственное производство – до уровня примерно 60% от 1913 г. (Народное хозяйство..., 1940. С. 75). Данные свидетельствуют об устой-

¹ *Эпштейн Давид Беркович*, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук», Института аграрной экономики и развития сельских территорий, Санкт-Петербург, Россия (epsteindb@gmail.com).

***Цитирование:** Эпштейн Д.Б. (2022). НЭП как прерванное движение к социалистической экономике // Вопросы политической экономии. № 2 (30). С. 40-66.

DOI: 10.5281/zenodo.6881193 <https://zenodo.org/record/6881193>

чивом восстановлении валовой продукции сельского хозяйства с 1926 г. (118% к уровню 1913 г., причем три года 1926–1928 валовая продукция сельского хозяйства росла примерно на 3% ежегодно, несмотря на все более широкое применение государством дестимулирующих административных и чрезвычайных мер). При этом животноводство по темпам роста существенно обгоняло растениеводство и в 1928 г. достигло 137% от уровня 1913 г. (Народное хозяйство..., 1972. С. 219). Промышленность превзошла объемы 1913 г. на 8,1% в 1926 г. и далее росла темпами 17,1% в 1927 г. и 22,6% в 1928 г. (Народное хозяйство, 1932. С. XXXV). Капиталовложения в промышленность росли аналогичными темпами (Народное хозяйство..., 1932. С. XXXI).

2) Крупные и средние промышленные предприятия принадлежат государству и развиваются в основном на рыночных, хозрасчетных основах, а мелкие предприятия и торговля – в основном принадлежат частному капиталу. Сельское хозяйство также развивается на рыночной основе, но закупочные цены на зерно в госзакупки устанавливает государство, они низкие, чтобы таким образом обеспечить финансовые ресурсы для накопления в промышленности. Методы доведения промышленных товаров до крестьянства также в существенной части административные нерыночные, что иногда влечет «товарный голод». Вместе эти факторы вызывают регулярные кризисы хлебозаготовок. Эти кризисы с 1926 г. тем острее, чем жестче принимаемые административные и насильственные меры, разрушающие относительно нормальное функционирование рынка и рыночных стимулов².

3) Рост рабочего класса и его включение, втягивание в деятельность коммунистической партии, в работу управляющих органов всех уровней, в профсоюзы и т.д.³ Однако реальных политических прав подавляющее большинство граждан страны лишено, что вызвано остротой и тяжестью гражданской войны, унесшей несколько миллионов человеческих жизней, в том числе в силу ряда ошибок в экономической и социальной политике, позже признанных Лениным.

4) Относительно устойчивое повышение реальных доходов и благосостояния рабочих и крестьян, а по ряду оценок имело место даже превышение уровня 1913 г. примерно к 1926 г. (Гурьянов, 2013; Статистическая таблица..., 2003⁴).

5) Государственная политика повышения грамотности, образования и культурного уровня всего населения, городского и сельского. Рабфаки, избы-читальни, школы ФЗУ, массовое издание газет и журналов для многих категорий населения, но в особенности для рабочих и крестьян (Культурная революция⁵; Булавка-Бузгалина, 2013).

6) Примерно до 1926 г. ориентация в развитии на решение проблем и нужд сельского хозяйства в сочетании с развитием промышленности. Рост сельского хозяйства (сельское население составляло 85% всего населения в 1920 г. и 82% в 1926 г.) рассматривался как наиболее узкое место, условие и основа подъема всего народного хозяйства.

² См. подробнее об этом, например, (Голанд, 1991. С. 59-88), а также (Ильиных, 2010).

³ См., например, (XVI конференция ВКП(б), 1929. С. 212-272).

⁴ Статистическая таблица ЦСУ СССР. Потребление основных продуктов питания в семьях крестьян в 1905-1913, 1923/24, 1928/29, 1936, 1940, 1950, 1952 гг. и первом полугодии 1953 г. (по данным обследования бюджетов) // Сборник документов «Советская жизнь. 1945–1953 гг.» М.: РОССПЭН, 2003. – URL: <http://istmat.info/node/18413> (дата обращения: 02.03.2022).

⁵ Культурная революция. Большая советская энциклопедия (Электронная). – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2121109 (дата обращения: 14.03.2022).

7) Государство принимало активные меры по подъему хозяйств бедняков и середняков и всячески тормозило, ограничивало развитие сильных, зажиточных крестьянских хозяйств, называемых кулацкими, которые составляли, по разным оценкам, от 3 до 5% от общего числа хозяйств, но именно они давали наибольший процент товарной продукции. Речь идет о таких мерах, как повышенный в несколько раз по сравнению с уровнем для середняков уровень налогообложения, недопущение кулаков в колхозы, в органы управления местного уровня и кооперации, ограничение найма рабочей силы, приобретения машин и т.д. Также имело место постоянное упоминание в прессе о кулаках и нэпманах как величайших врагах рабочего класса и трудового народа⁶.

8) Происходит рост централизации управления в государстве и партии, идет активное формирование нового управленческого слоя – номенклатуры, однако существенные привилегии типа возможностей отдыха и лечения в специальных (закрытых для других граждан) санаториях имеет пока только высокопоставленная верхушка, начиная с губернского (областного) уровня и выше.

9) Идет борьба за увеличение закупок зерна как решающего, по мнению руководства, ресурса для дальнейшего развития промышленности и обеспечения городов. Примерно с 1926 г. берется курс на монополизацию закупок зерна государством и усиления давления на крестьянство (Голанд, 1991. С. 44-47).

10) В 1925 г. Зиновьев и Каменев, оттесняемые Сталиным от власти, поднимают вопрос недооценке опасности кулака в политике партии (XIV съезд..., 1926. С. 118-123). Примерно в это же время, с 1925–1926 гг. Троцким выдвигается тезис о необходимости форсирования индустриализации как условия развития сельского хозяйства и усиления нажима на кулаков (Троцкий, 2013. С. 137-139, 174). Этот тезис сначала отрицается Сталиным и его союзниками, но затем берется на вооружение в форме сверхвысоких темпов для промышленности и массовой, ускоренной коллективизации для сельского хозяйства.

11) Имеет место острейшая борьба за власть и лидерство в Политбюро и ЦК сначала между Сталиным, Зиновьевым и Каменевым против Троцкого, а затем Сталина, Бухарина, Рыкова – против Троцкого, Зиновьева и Каменева, затем Сталина и его союзников, более молодых членов Политбюро и ЦК – против Бухарина, Рыкова, Томского – «правой оппозиции». Борьба идет вокруг внутрипартийного режима, она в существенной степени сначала вызвана стремлением Сталина главенствовать с помощью аппаратных интриг, на которую оппозиционеры отвечают сочинением оппозиционных взглядов и платформ, дабы показать свою значимость для партии и ее руководства. Действительно непреодолимые расхождения по вопросам экономической политики возникают, когда Сталин берет курс на чрезвычайные меры и насилие по отношению к крестьянству ради получения зерна и финансов, на сверхвысокие темпы капиталовложений в тяжелую промышленность.

12) Имеет место принятие первой пятилетки в апреле 1929 г. с планами роста промышленности вдвое и производства зерна на 35% за 1928–1932 гг., коллективизации 18% хозяйств к 1932 г. (XVI конференция ВКП(б), 1929. С. 20-38) и одновременно фактический провал пятилетки из-за срыва хлебозаготовок вследствие административного давления на крестьян и отсутствия в связи с этим у них стимулов для развития зернового производства. Переход к массовой насильственной

⁶ См., например, (XVI конференция ВКП(б), 1929. С. 130-211).

коллективизации с закрытием частных предприятий и переводом промышленных предприятий на директивное централизованное планирование. Это полное прекращение НЭПа.

Анализируя всю совокупность этих сложных и противоречивых процессов, мы видим стремление власти, с одной стороны, держать социалистический курс (рост благосостояния, повышение власти рабочего класса, ускоренное развитие крупной промышленности при подъеме сельского хозяйства и благосостояния крестьян). Но, с другой стороны, этот курс характеризуется нежеланием власти развивать реальную политическую демократию, злоупотреблением административными и чрезвычайными методами по отношению к крестьянству. Поэтому этот курс нестабильный, он характеризуется «нетерпением» и колебаниями, нежеланием действовать преимущественно экономическими методами, отчасти из-за недостаточного опыта и вынесенной из гражданской войны привычки к администрированию и насилию, отчасти из-за низкого интеллектуального уровня Сталина и его окружения (неумения), отчасти из-за реальных и преувеличенных опасностей военного вторжения со стороны империалистических держав. Просоциалистический курс сталкивается с реальностью отсталости России, с узкими местами и дефицитами, прежде всего, в сфере производства зерна, и с нежеланием крестьянства отдавать зерно государству по заниженным ценам, в том числе при дефиците промышленных товаров, с недемократичностью политической системы. Побеждают сторонники более жесткого и насильственного, волюнтаристского курса во главе со Сталиным.

Цель и основное противоречие НЭПа

Как известно, взгляды Ленина на цель НЭПа менялись от видения в нем лишь временного отступления, временного допущения торговли и элементов капитализма ради подъема крестьянского хозяйства и промышленности, до понимания того, что НЭП – «это всерьез и надолго», и «...экономически и политически НЭП вполне обеспечит нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда» (Ленин, 1970с. С. 60-62). Более того, Ленин говорит о том, что НЭП – «...это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства»⁷. То есть основная цель НЭПа – это не только и не столько подъем экономики, разрушенной гражданской войной, а развитие экономики в условиях многоукладности, при котором идет постепенное, в основном, эволюционное, экономическое соревнование укладов, а капиталистические производственные отношения постепенно и преимущественно экономически вытесняются социалистическими, что гарантируется наличием пролетарского государства. Но, как показано выше, из-за слабого развития зернового хозяйства и известной неготовности, неумения большевиков действовать преимущественно экономическими методами, не получилось длительного экономического соревнования, частный капитал и мелкотоварное производство были ликвидированы административными и силовыми приемами.

⁷ «Социализированная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин дает за это хлеб. Это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране, где мелкий крестьянин составляет большинство или, по крайней мере, очень значительное меньшинство. Одну часть крестьянин даст в виде налога, а другую обмен на продукты социалистической фабрики или через товарообмен» (Ленин, 1970b. С. 48).

Как же в результате можно охарактеризовать основное противоречие конкретного российского (советского) НЭПа? Как борьбу социалистических элементов в экономике и социальном строе с капиталистическими элементами, передовых с отсталыми? Так его характеризовали в советский период. На наш взгляд, реально капиталистические и прокапиталистические элементы были весьма слабы в СССР в период НЭПа. Советская власть, ориентированная на строительство социализма, которую мы никак не можем отнести к капиталистическим элементам, несмотря на ошибки в ее деятельности, была намного сильнее. Она была слаба как раз плохим пониманием конструктивной роли рынка и товарно-денежных отношений в социалистической экономике, что было свойственно марксизму XIX и первой трети XX в. Это, в сочетании с недемократизмом политической системы, погубило НЭП.

Нам представляется вполне очевидным, что реально основное противоречие НЭПа – это противоречие между оправданным стремлением сильной, централизованной, политизированной, но монополярной и недемократичной власти в слабо-развитой стране к ускоренному промышленному развитию, с одной стороны, и реальностью слабо-развитой экономики и преобладания крестьянства, с другой. Это противоречие внешне проявлялось как противоречие между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, между властью и большинством народа. Но в основе лежало противоречие между прежним, слабым, отсталым экономическим базисом и забегающей вперед, в силу монополярного, недемократического характера власти, надстройкой.

Наиболее остро эта слабость проявляется в крайне низком уровне производства зерна, что стало основным препятствием на пути НЭПа, а с другой стороны, в относительно слабом развитии промышленности и неспособности ее предложить крестьянам соответствующий объем промышленных товаров.

Почему можно говорить о НЭПе как прототипе социалистической экономики

Мы полагаем, что НЭП можно рассматривать как прототип социалистической экономики. Почему? Если мы обратимся к Марксу за ответом на вопрос, что собой представляет ассоциированный способ производства («общество, основанное на началах коллективизма» (Маркс, 1961.С. 18)), а это и есть основное, базовое, первичное определение социализма, то в качестве его основных черт мы увидим отрицание частной собственности, с одной стороны, и производство в интересах всех, основанное на принадлежности основных средств производства обществу и вытекающих отсюда институтов и черт, с другой. И в качестве первого шага, первой стадии развития такого общества марксизмом всегда рассматривалось взятие основных средств производства в собственность государством. Именно это и было сделано большевиками, и это владение обществом в лице государства средствами производства сохранялось, развивалось при НЭПе: крупные и средние предприятия, земля принадлежали обществу (повторим – обществу в лице государства). И это необходимое условие «общества, основанного на началах коллективизма», без этого ни о каком ассоциированном производстве речь идти не может, особенно на начальном этапе перехода. Но если государство распоряжается средствами производства в интересах всех, в интересах роста благосостояния и всестороннего развития всех слоев трудящихся, а это обеспечивается соответствующей системой

институтов планирования, управления, регулирования, то такая собственность и есть, безусловно, общественная собственность, свойственная социализму, как минимум, первая фаза ее (общественной собственности) развития.

Пойдем далее. Маркс (в «Критике Готской программы») писал, что в обществе, основанном на началах коллективизма, необходимо обеспечить принцип распределения, при котором каждый член общества получает (по трудовому эквиваленту) то, что произвел, за вычетом необходимого вклада в общественные фонды (Маркс, 1961. С.18-19). То есть речь идет о принципе распределения по труду, так как именно этот принцип обеспечивает заинтересованность каждого в развитии производства. Доля, соответствующая вкладу каждого, этим принципом гарантирована.

Мы, безусловно, вправе считать, что этот принцип при НЭПе выполнялся на государственных предприятиях, по крайней мере, такой была политика государства и партии. Что касается мелких (неколлективизированных) крестьянских хозяйств, то через налогообложение и регулируемые государством цены они также отдавали обществу свой вклад в общественное (ассоциированное) производство, зависимый от результата деятельности. Их экономический результат в основном определялся затратами и эффективностью их труда. Конечно, средства производства крестьян не принадлежали обществу. Но через рыночный механизм и, что принципиально важно, через регулирующие действия рабочего государства они также вписываются в общественное производство и тем самым в социалистические производственные отношения.

«Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму? Но это несколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт. Раз налицо мелкокрестьянская страна с особенно разоренным транспортом, выходящая из войны и блокады, руководимая политически пролетариатом, который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность, то из этих посылок совершенно неизбежно вытекает первостепенное значение в данный момент местного оборота, во-первых, и возможность оказать содействие социализму через частнохозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном), во-вторых» (Ленин, 1970а. С. 233).

Мне можно возразить известным положением Ленина, «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин, 1981. С. 6). Но верно ли это утверждение?! При любых ли условиях мелкое производство рождает капитализм и буржуазию? Во-первых, при феодализме и рабовладении мелкое частное производство (крестьян, ремесленников) порождает, прежде всего, необходимую обществу продукцию и способствует развитию доминирующих производственных отношений, а вовсе не капитализма. Уже это показывает, что приведенное утверждение небезупречно, и роль мелкотоварного производства зависит от того, какова вся совокупность действующих производственных отношений.

Если государственная власть регулирует и ограничивает мелкое частное производство, прежде всего, в части размеров наемного труда и направлений применения прибыли, если власть с помощью налогов, а также регулирования цен, субсидий, поддержки определенных отраслей и требованиями к культуре производства направляет его в русло производства в интересах всего общества, то такое мелкое

частное производство также работает на социализм. Это доказательство справедливо не только для переходного периода, но и для социализма: мелкое производство, в том числе с некоторым объемом наемного труда частными собственниками, является для социализма скорее нормой, чем исключением, хотя немалое число марксистов не усвоило пока эту несложную истину, ориентируясь на лозунг уничтожения частной собственности. Исключить полностью, в принципе, мелкое частное производство производительные силы не позволяли в XX в. и не позволяют еще очень долго! Но это не значит, что такие производительные силы не позволяют строить, построить и развивать социализм. Мелкое производство может играть при социализме важную роль, хотя, конечно, не доминировать. Или мы полагаем, что при социализме все мелкие предприятия типа обувных мастерских, пекарен, кафе, уличной торговли, ремонтных мастерских и т.п. должны быть государственными и управляться государством?! Неслучайно социализм в СССР, созданный к началу 60-х гг., после преодоления сталинизма, где мелкое частное производство было искоренено, характеризуется как ранний, как строй, где господствующее положение занимала бюрократия!

Все сказанное в полной мере относится и к частнохозяйственному укладу при НЭПе. При регулировании социалистического государства этот уклад также работает на социализм, он становится его составляющей, если понимать социализм диалектически, а не догматически как господство всеохватывающей государственной собственности и такого же всеохватывающего директивного планирования. Конечно, при этом капиталистические потенциалы остаются в мелкотоварном и частнокапиталистическом укладах, но развернуться в реальный капитализм им не дают «командные высоты» и вся система управления экономикой, возглавляемая социалистическим государством. Иное дело, если эту систему разрушить или резко ослабить... Но в этом случае, и при отсутствии мелкотоварного и частнокапиталистического укладов, обособленные предприятия и работники начинают понемногу действовать преимущественно в своих обособленных интересах, что и порождает капитализм. Следовательно, основную угрозу для социализма представляют не мелкотоварный и частнокапиталистический уклады, и, тем более не товарно-денежные отношения, а разрушение системы социалистического регулирования и планирования в интересах всех как важнейшей составляющей социалистических производственных отношений.

Таким образом, регулирующие действия государственной власти в интересах роста благосостояния и развития всех слоев общества, а также принадлежность государству основных средств производства позволяют сказать, что мы имели при НЭПе, по крайней мере, в тот период, когда государственная власть действовала именно указанным образом, а не насилием по отношению к крестьянству и другим слоям, период становления и развития социалистических производственных отношений, которые подчиняли, направляли иные производственные отношения.

Поэтому НЭП именно в силу успешного сочетания государственных и частных форм хозяйствования мы вправе рассматривать как прототип социалистической экономики. Однако период этот был, к сожалению, кратким. Власть не справилась с преимущественно задачей экономического преодоления слабости и отставания экономики страны и перешла к массовому насилию, причем не только над кре-

стьянством. «Великий перелом» в конце 1929 г. означал переход к военно-феодальной эксплуатации большинства населения.

Поэтому мы говорим о сорванном переходном периоде к социализму.

Была ли возможность проведения индустриализации без насильственной коллективизации в рамках НЭПа

К сожалению, большое число историков и марксистов убеждены в том, что без коллективизации и при сохранении НЭПа было невозможно провести достаточно быструю индустриализацию. Какие же аргументы они приводят? Один аргумент состоит в том, что сталинское руководство было не готово далее терпеть острые, ежегодные с 1926 г., проблемы получения зерна в руки государства и вызванное этим уменьшение экспорта зерна и падение импорта оборудования, необходимого для индустриализации. Да, проблемы с получением зерна становились тем более острыми, чем больше сталинское руководство переходило от экономических мер воздействия на сельское хозяйство к административным и даже чрезвычайным. Но, тем не менее, первый пятилетний план, рассматриваемый 16-й конференцией ВКПб в апреле 1929 г.; не предусматривал тотальной коллективизации, речь шла лишь о 18% коллективизированных крестьянских хозяйств к 1932 г. Наоборот, коллективизация должна была идти в меру способности промышленности обеспечить сельское хозяйство тракторами, машинами, комбайнами. Не предусматривал первый пятилетний план и уничтожения частного сектора. Характерно, что даже в 1931 г. Куйбышев в статье «План социалистического строительства на 1931 год» ничего не говорит о необходимости уничтожения частного сектора неэкономическими средствами, об отказе от НЭПа и т.п. (Куйбышев, 1931). Наоборот, он приводит данные о доле необобщественного сектора в национальном доходе в 25,5% в 1930 г. и плане на 1931 г. 18,5% при доле этого сектора в основных фондах в 39% в 1930 г. и плане 30,9% на 1931 г.

Разве не было возможности, не проводя насильственной коллективизации и не завышая волюнтаристки плановые темпы развития индустрии, что приводило лишь к срывам планов, к снижению темпов и колоссальным экономическим потерям, планомерно вкладывать сберегаемые средства в строительство новых предприятий и развитие сельского хозяйства, используя не только зерновые, но и другие экспортные ресурсы, а также колоссальные резервы избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве?! Безусловно, такая возможность была. Ведь индустриализацию проходила в XX в. не только Россия (СССР), но и многие другие страны. Всюду она проходила при решающей роли государственной промышленной политики, направленной на существенное увеличение доли сбережений и накоплений. Так, в Японии две трети капиталовложений в 1887–1940 гг. осуществляло государство, но в 20–30-е гг. там не понадобилось превращать крестьян в государственных полукрепостных⁸. Кстати, всюду при этом проводились и аграрные реформы, правда, они были направлены на ликвидацию помещичьих хозяйств и передачу земли крестьянам, а также содействие становлению фермерского сектора, а не на насильственную коллективизацию.

⁸ Развитие японской экономики в 20-е гг. – URL: <https://studfile.net/preview/3220856/page:16/> (дата обращения: 14.03.2022).

Существенное увеличение доли сбережений в любой стране достигается путем «затягивания поясов», но одно дело, когда оно достигается относительно равномерным увеличением налогообложения как работников, так и бизнеса, а другое дело, когда 80% населения страны фактически закрепощается, как это было при насильственной коллективизации.

Имеют ли место работы, которые не из общеэкономических соображений, а на основе конкретных расчетов показывают возможность ускоренной индустриализации без коллективизации?!

Да, такие работы есть, причем и российских, и зарубежных авторов. Уже в 1989 г. В. Попов и Н. Шмелев показали, что тот уровень экспорта зерна, который был достигнут в результате коллективизации (в среднем 3% в год от валового производства), легко мог бы достигаться при 2% ежегодного роста производства зерна. В среднем же сельское хозяйство росло при НЭПе не ниже 10% в год, создавая тем самым не только зерновые, но и другие ресурсы для экспорта (Попов, Шмелев, 1989. С. 298). Далее они справедливо отмечают, что в 30-е гг., в результате отказа от НЭПа и реального хозрасчета, темпы роста производительности труда резко снизились, практически до нуля, что потребовало колоссального дополнительного увеличения количества работников и городского населения (Попов, Шмелев, 1989. С. 299). За 1930–1939 гг. городское население выросло с 28,7 млн чел. в 1929 г., последнем году, когда еще сохранялись какие-то остатки НЭПа, но уже систематически применялись административные и чрезвычайные методы изъятия зерна, до 56,1 млн чел, то есть на 95,5%, почти удвоилось. Этот рост потребовал соответствующего увеличения зерна, идущего на обеспечение городов. Но производительность труда в промышленности в расчете на одного работника, упавшая на 35,5% к 1932 г. по сравнению с 1930 г., повышалась в 1933–1936 гг. на 8,5-10% в год, снова начала падать в 1937 г. вследствие массовых репрессий и к 1939 г. достигла 104%, а к 1940 г. – лишь 102% от уровня 1928 г.⁹ В расчете на один час рабочего времени она составляла в 1940 г. 96,8% от 1928 г. (Barber, Harrison, 2000. P. 110). Таким образом, увеличение производительности труда в промышленности за 30-е гг. не произошло. Чтобы примерно оценить, сколько дополнительного зерна это потребовало, рассчитаем, сколько его приходилось на 1 чел. городского населения (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление численности городского населения и государственных закупок за вычетом экспорта¹⁰

Год	Население, всего, млн чел.	Городское население, млн чел.	Госзакупки (госзаготовки) зерна, млн ц	Экспорт зерна, млн ц	Госзакупки зерна за минусом экспорта, млн ц	Госзакупки зерна на 1 жителя городов, ц/чел.
1926	147	26,3	95,2	21,8	73,4	2,79
1928	150,2	27,3	109	43,6	65,4	2,40
1929	153,4	28,7	161	26,2	134,8	4,70
1930	156	30,2	221,4	48,4	173,0	5,73
1932	160,4	33,3	185,2	17,3	167,9	5,04

⁹ Снижение производительности труда было обусловлено присоединением западных областей Украины и Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии и Эстонии.

¹⁰ Исходные данные нами взяты из (Эпштейн, 2017).

Продолжение табл. 1

Год	Население, всего, млн чел.	Городское население, млн чел.	Госзакупки (госзаготовки) зерна, млн ц	Экспорт зерна, млн ц	Госзакупки зерна за минусом экспорта, млн ц	Госзакупки зерна на 1 жителя городов, ц/чел.
1936	161,6	43,1	298	3,21	294,8	6,84
1937	163,8	46,6	318	12,8	305,2	6,55
1938	167,0	50,0	315	20,5	294,5	5,89
1939	170,5	56,1	350	2,8	347,2	6,19

Источник: расчеты автора.

Очевидно, в 1930–1939 гг. в среднем госзакупки зерна на одного городского жителя составляли от 5,7 до 6 ц, за исключением очень неблагоприятного 1932 г. и, наоборот, наиболее благополучных 1936–1937 гг. Это означает, что дополнительный расход зерна в связи с увлечением городского населения на 17,9 млн чел. (к 1937 г. по сравнению с последним годом НЭПа – 1929 г.) составил от 10,2 до 10,7 млн т. То есть практически вся средняя прибавка 10 млн т зерна в государственных закупках, полученная благодаря коллективизации, была «съедена» приростом городского населения за счет сельского населения, которое, находясь на селе, могло обеспечивать себя продовольствием и часть продавать государству. К 1939 г. этот дополнительный расход зерна оставил уже 15,6–16,4 млн т.

Увеличение численности городского населения с 1929 по 1939 гг. на 95,5%, при фактическом сохранении производительности труда в промышленности на уровне 1928 года, дало примерно такой же, порядка 96%, прирост продукции в несельскохозяйственных отраслях. Но при темпах прироста производительности труда в промышленности даже 8,5% (это минимум в 1932–1936 гг.), этот прирост продукции мог быть превзойден *тем же количеством занятых в промышленности* и городского населения за 8 лет. При этом темпы роста объемов промышленности были бы существенно выше, чем при сталинской индустриализации. В связи с этим В. Попов и Н. Шмелев в уже цитированной статье приходят к важному выводу: «Все, таким образом, сходится к одному, с какой стороны ни подходить к проблеме: ко времени войны мы могли бы иметь куда более мощный экономический потенциал, чем в действительности имели, без того невероятного напряжения и тех тяжелейших потерь, которые до сих пор списываются на необходимость индустриализации страны. На самом же деле индустриализация здесь ни при чем» (Попов, Шмелев, 1989. С. 299–300).

Используя существенно более тонкие и точные расчеты, американский экономист Холланд Хантер пришел к выводу о возможности накопления средств для индустриализации без коллективизации (Hunter, 1988. Pp. 203–216). Его расчеты основаны на том, что коллективизация привела к колоссальным потерям в животноводстве, что выразилось не только в голодных годах и высокой смертности населения, повлекшей 15 млн человеческих потерь к 1940 г. по сравнению с планами первой пятилетки, но и в потерях тягловой силы, которая была чрезвычайно важна для развития растениеводства и производства зерна до той далекой поры, когда тракторы и комбайны смогли ее полностью заменить. При отсутствии насильствен-

ной коллективизации и чрезвычайных и т.п. мер по отношению к крестьянству, как показали балансовые расчеты Хантера, постепенно возрастало бы и производство зерна, а также уровень потребления в городах и резервы, которые могут быть использованы для экспорта зерна и индустриализации. Только экспорт осуществляется не в 1928–1932 гг., когда никаких излишков у производителей не было, и необоснованный экспорт вкупе с коллективизацией привели в итоге к колоссальному голоду, а с 1933 г., причем потенциальный экспорт оказался намного больше, чем фактически осуществленный. При этом предполагается, что количество мощностей тракторов на гектар растет умеренными темпами также с 1933 г. и достигает к 1940 г. уровня, превышающего уровень 1928 г. на 17%, что создает дополнительные возможности для более быстрого роста других отраслей.

Прогнозируемое Холландом производство зерна растет, с колебаниями погодных условий, с учетом роста урожайности¹¹ и посевных площадей под влиянием увеличения поголовья продуктивного и рабочего скота и увеличения тяговой мощности животных и тракторов. «Следующий шаг включает применение этих коэффициентов к ряду фактических погодных условий и к ряду тягового усилия для каждого гектара, полученному из ряда лошадиных сил, разделенного на ряд посевных площадей, которые предполагают устойчивое расширение с 92,2 миллиона гектаров в 1928 году до 110,6 млн в 1940 г.» (Hunter, 1988. Рр. 210). В целом, полученный за счет сохранения и развития животноводства дополнительный урожай зерновых по сравнению с фактическим (в результате коллективизации), составил 14% (то есть, грубо говоря, прирост примерно 1,1% в год), при том, что ежегодный прогнозируемый прирост в среднем составляет 3 млн т (Там же. Рр. 210-11). Однако этот прирост позволяет и обеспечить население постепенно растущим уровнем питания, и кормление растущего количества скота, и потребность в семенах, и возможности экспорта, а также значительные резервы.

Приведем заключительную таблицу, демонстрирующую итоги указанных расчетов.

Таблица 2

Расчетный баланс потребления и производства зерна в России в 1928–1940 гг. в предположении отсутствия коллективизации, млн т (по Холанду Хантеру)

Год	На семена	Корм для рабочего скота	Корм для других животных	Потребление населения	Потери	Всего использование	Произведено	Остаток (произведено минус использовано)	Накопленный остаток	Экспорт	Накопленный резерв
1928	13	12,1	7,4	38	2	72,5	75,4	2,9	–	–	–
1929	13,2	12,3	7,6	38,8	2,1	74	77,1	3,1	6	–	–
1930	13,4	12,4	7,7	39,7	2,2	75,4	82,3	6,9	12,9	–	–
1931	13,6	12,6	7,9	40,5	1,9	76,5	70,3	-6,2	6,7	–	–

¹¹ Уровень урожайности прогнозируется Холландом на основе коэффициентов регрессионного уравнения типа Кобба-Дугласа в зависимости от индекса погодных условий и тягового усилия с гектара.

Продолжение табл. 2

Год	На семена	Корм для рабочего скота	Корм для других животных	Потребление населения	Потери	Всего использование	Произведено	Остаток (произведено минус использовано)	Накопленный остаток	Экспорт	Накопленный резерв
1932	13,8	12,8	8,1	41,4	2,1	78,2	77,8	-0,4	6,3		
1933	14	13,2	8,2	42,2	2,3	79,9	84,2	4,3	10,6	2	8,6
1934	14,2	13,5	8,4	43,1	2,2	81,4	80,5	-0,9	9,7	1	6,7
1935	14,5	14	8,6	43,9	2,5	83,5	91,3	7,8	17,5	2	12,5
1936	14,7	14,5	8,7	44,8	2,2	84,9	80,7	-4,2	13,3	1	6,5
1937	14,9	15,1	8,9	45,6	2,5	87	93,6	6,6	19,9	2	11,1
1938	15,1	15,7	9	46,4	2,4	88,6	88,5	-0,1	19,8	1	10,1
1939	15,4	16,3	9,2	47,2	2,4	90,5	89,1	-1,4	18,4	1	7,7
1940	15,6	17	9,4	48	2,7	92,7	100,7	8	26,4	2	13,7

Источник: (Hunter, 1988).

Х. Хантер не ограничился изучением возможностей развития сельского хозяйства без коллективизации. В 1992 г. им, совместно с польским математиком Я. Ширмером, была издана книга «Ошибочные основы. Советские экономические политики, 1928–1940 годы» (Hunter, Szyrmer, 1992), посвященная исследованию различных альтернатив развития советской экономики до 1940 г. с помощью сложной имитационно-оптимизационной модели, откалиброванной на реальных фактических данных. Объем статьи не позволяет детально охарактеризовать разработанную авторами модель и всю совокупность альтернативных вариантов расчетов, сделанных в предположениях ориентации советского правительства на те или иные приоритеты (высокий или низкий уровень потребления, мирное развитие или максимальная подготовка к войне, с коллективизацией или без нее). Но даже в варианте ориентации на максимальную подготовку к войне расчеты по данной модели показали, что без коллективизации объем валовой продукции промышленности и строительства составил бы в 1940 г. в два раза больше в постоянных ценах, чем он составил фактически, а объем тяжелой промышленности на 90,5% выше (Hunter, Szyrmer, 1992. P. 254). Этот результат, как мы видим, даже превосходит оценки В. Попова и Н. Шмелева.

Иной результат получили с помощью своей модели Л. Бородкин и М. Свищев (Бородкин, Свищев, 1992). Эта модель и ее результаты повторно, с небольшими изменениями, описаны в книге Л.И. Бородкина, посвященной моделированию исторических процессов, вышедшей в 2016 г. (Бородкин, 2016). В этом исследовании

была поставлена задача «построить прогноз (а точнее, «ретропрогноз») того, как развивались бы социально-экономические процессы (в частности, дифференциация) в среде крестьянства при условии сохранения нэпа» (Там же. С. 73). Данная модель, как утверждается, показала сравнительно невысокий темп роста сельского хозяйства¹² и даже падение поголовья скота на единицу посевной площади. На эти результаты Бродкина и Свищева ссылается А.С. Сенявский, утверждая, что сельское хозяйство на пути НЭПа ожидал «экономический тупик» (Сенявский, 2020. С. 176).

Но позволяет ли сама модель сделать выводы о перспективной социальной и экономической динамике? Дело в том, что модель Бродкина – Свищева, которая должна охарактеризовать динамику социальных процессов и производства, является принципиально статичной, причем это констатирует Л.И. Бродкин: «Изложенная методика моделирования имеет существенное ограничение. Дело в том, что она основана на предположении о неизменной интенсивности всех процессов, происходивших в среде крестьянства. В силу этого результаты зависят от исходных данных, положенных в основу ретропрогноза» (Бродкин, 2016. С. 89). Заметим, что результаты любого моделирования зависят от исходных данных, а также от того, насколько объективно (адекватно) уравнения модели отражают реальные изучаемые процессы.

Поскольку при работе над статьей из-за ковидных ограничений было сложно найти указанную выше статью из сборника 1992 г., мы обратились к Интернету и нашли англоязычную версию этой статьи, вышедшую в 1991 г. (Borodkin, Svishchev, 1991). Ее результаты, судя по приведенным графикам, совпадают с результатами, представленными в книге, вышедшей в 2016 г., но есть и некоторая разница. В статье 1991 г. указано, что моделирование проведено до 1940 г., соответственно, графики характеристик социальной динамики крестьянства содержат данные для 1924 и 1940 гг. Но в книге 2016 г. те же графики отнесены уже к 1924 и 1934 гг. Правда, табличные характеристики темпов роста числа хозяйств различных групп по величине посева имеют незначительные отличия¹³, то есть прогноз по данной модели не показал сколько-нибудь существенной социальной динамики за 1935–1940 гг., если бы НЭП продолжался и этот период. Но, может быть, дело в качестве самой модели, на основе которой производится указанный социальный ретропрогноз? Ведь эта модель основана на усредненных коэффициентах вероятности перехода хозяйств из одной группы по площади посевов в другую группу для хозяйств не претерпевших «органических изменений», рассчитанных лишь за 1924–1925 гг.¹⁴, а также на усредненных коэффициентах за тот же период (величина процентов от исходного числа для каждой из групп хозяйств по величине посевов) еще шести групп хозяйств, претерпевших «органические» изменения, к которым относятся: 1) ликвидация; 2) выселение; 3) вселение; 4) возвращение; 5) разделение; 6) соединение. Указанные коэффициенты приняты неизменными на весь период прогнозирования. Но можно ли их считать неизменными? Разве они не зависели бы темпы перехода их одной группы по величине посева в другую от темпов роста сельского хозяйства?! Разве не вносила бы та или иная экономическая динамика

¹² «Как показывает имитационная модель, продолжение политики НЭПа не привело бы ни к взрывному росту аграрной экономики, как утверждают одни, ни к хозяйственному хаосу и социальным катаклизмам в деревне, как считают другие» (Бродкин, 2016. С. 97-98).

¹³ См. табл. 4 в (Borodkin, Svishchev, 1991) и табл. 4.4 в (Сенявский, 2020. С. 93).

¹⁴ См. (Бродкин, 2016. С. 85-89).

ка существенные различия в эти коэффициенты? Но еще более важный вопрос: можно ли по этой модели динамики групп хозяйств судить о будущих темпах роста производства, если этот рост никак не заложен непосредственно в модель, а выявляется лишь через неизменные коэффициенты перехода хозяйств из одной группы по величине посева в другую?! Л. Бородкин полагает, что «Соответствующие расчеты можно произвести исходя из предположения, что основные характеристики крестьянского двора, такие, как площадь пашни, число едоков, количество сельскохозяйственных орудий и голов рабочего скота на всем протяжении рассматриваемого периода остаются неизменными», ссылаясь на «отмечавшийся самыми разными исследователями рутинный характер агротехники, основывавшейся на мелком производстве» (Бородкин, 2016. С. 96). Но «рутинный характер» агротехники был характерен для бедняцких и части средних хозяйств и вряд ли его можно отнести и к зажиточным, а также к кулацким, то есть наиболее сильным хозяйствам, тем более на весь период НЭПа, когда советская власть активно стремилась содействовать повышению культуры земледелия и животноводства. Таким образом, в данной модели вместо реального прогнозирования возможности (или невозможности) роста урожайности и производства, фактически постулируется их неизменяемость в каждой из групп по величине посева¹⁵.

Между тем, те средние коэффициенты переходов, которыми пользуются авторы рассматриваемой модели как чем-то статичным, возникли как статичное отражение чрезвычайно динамичной ситуации.

Приведем, например, данные о динамике посевных площадей, рабочих лошадей, крупного рогатого скота, волов и коров в РСФСР за 1924–1927 гг. (табл. 3).

Таблица 3
Посевные площади и поголовье лошадей и КРС в крестьянских хозяйства РСФСР в 1924–1927 гг.

Показатель	1924	1925	1926	1927	1928 г. к 1925 г., в %
Посевные площади, тыс. га	51755,8	56581,0	62524,6	66108,0	127,7
Рабочих лошадей, тыс. голов	14494,2	15173,9	16069,0	17114,4	118,1
КРС всего, тыс. голов	38830,7	43051,2	45692,5	48509,1	124,9
Волы рабочие, тыс. голов	1545,8	1840,9	2524,7	2712,5	175,5
Коровы, тыс. голов	18410,4	20230,1	21277,1	21709,9	117,9
Рабочих лошадей на 1 га посевной площади, голов	0,280	0,268	0,257	0,259	92,4

Источник: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916, 1923–1927 гг. – М.: Статгосиздат ЦСУ СССР, 1930. – С. 23, 90. – URL: <http://istmat.info/node/21968> (дата обращения: 02.03.2022).

Очевидно, что период 1924–1927 гг. был периодом динамичнейшего роста сельского хозяйства в стране, когда посевные площади росли более, чем на 9% процентов в год, число рабочих лошадей – на 6% в год, КРС – на 8%, коров – на 6%, а волов, поскольку рабочих лошадей не хватало, – более, чем на 20% в год. Безусловно, эти средние темпы скрывают существенные различия в динамике развития различных групп крестьянских хозяйств, и усредненные цифры изменения

¹⁵ Напомним, что Х. Хантер получил суммарный прогнозный прирост производства зерновых к 1940 г. в 14% (Hunter, 1988).

числа хозяйств с разной величиной посева мало что говорят о динамике конкретных групп. Заметим, что и в 1928 г. продолжалось динамичное развитие сельского хозяйства¹⁶.

Что касается полученного в модели Бородкина-Свищева «падения поголовья скота на единицу посевной площади», то оно отражает очень высокую динамику роста посевных площадей, за которой не поспевает рост поголовья. Но это небольшое отставание в росте поголовья сельскохозяйственных животных отражает не слабость и низкие темпы развития сельского хозяйства при НЭПе, а, наоборот, некоторый дисбаланс из-за его очень высоких темпов развития, которые, пожалуй, можно охарактеризовать как взрывные. Если бы они были поддержаны соответствующей аграрной политикой в 1926–1929 гг. и далее, то зерновая проблема, безусловно, могла быть решена в рамках НЭПа.

Кстати, определенный недостаток модели Бородкина-Свищева в том, что она построена на данных групп регионов РСФСР, в которые не вошли области и края, относящиеся в тот период к Северо-Кавказскому краю, в наибольшей степени специализирующиеся на производстве зерна, такие как, например, сегодняшние Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область¹⁷. В цитируемой книге Бородкина указано, что в «производящий район», данные которого для 1924–1925 гг. использовались для моделирования, входили 32,5% из 22 млн крестьянских дворов (Бородкин, 2016. С. 90). К «потребляющему району» отнесены регионы, в которых находилось 24,8% всех крестьянских хозяйств страны (Бородкин, 2016. С. 92). В сумме это дает 57,3% от 22 млн крестьянских дворов¹⁸. Но не могли ли прочие регионы, среди которых есть регионы наиболее интенсивного сельского хозяйства, внести заметные изменения в социальную динамику? Возможно, и могли. В целом, вряд ли результаты данной модели можно с уверенностью полагать адекватно отражающими возможности развития сельского хозяйства в условиях НЭПа.

В связи с вопросом о наличии альтернативы сталинской коллективизации С. Есиков пишет: «О том, что нэп изжил себя экономически, историография ответила утвердительно: он стал источником постоянных продовольственных кризисов и наметившегося застоя народного хозяйства» (Есиков, 2010. С. 231). Но, как мы видели, не НЭП стал источником кризисов, а ошибочная экономическая политика сталинского руководства. Именно политическая система СССР, складывающаяся во второй половине 20-х гг., и личные особенности характера и стиля деятельности, свойственные Сталину и руководимому им большинству ЦК, препятствовали выбору траектории движения в русле эволюционного соревнования нескольких укладов, и тут мы вполне согласны с Есиковым и другими авторами, фиксирующими это противоречие: «Демонтаж нэпа шел не столько вследствие истощения экономических ресурсов, сколько в силу того, что движение по рыночному пути противоречило социалистической перспективе. Противоречия между нэповской

¹⁶ Сельское хозяйство СССР 1925–1928 гг. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. – М.: Статистическое издательство ЦСУ СССР, 1929. – С. 174, 191-194. – URL: <http://istmat.info/node/20230> (дата обращения: 02.03.2022).

¹⁷ А ведь есть еще Украина, Белоруссия и другие республики – производители зерна и другой сельскохозяйственной продукции в СССР.

¹⁸ Справочник по данным 1927 г. дает для РСФСР 15,9 млн крестьянских хозяйств в 1924 г. и 16,3 млн в 1925 г. (Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916, 1923–1927 гг. – М.: Статгосиздат ЦСУ СССР, 1930. С. 2). – URL: <http://istmat.info/node/21968> (дата обращения: 02.03.2022). Откуда, в таком случае 22 млн крестьянских хозяйств?

экономикой и политической системой неизбежно должны были привести к тому, что произошло – отказ от нэпа» (Там же. С. 231). Однако это не означает, что следует признать отсутствие альтернативы ликвидации НЭПа и сталинской насильственной коллективизации. Альтернатива была, но сталинское руководство было к ней субъективно не готово. Заметим также, что современное понимание социализма, в отличие от его понимания в советский период, вполне допускает и наличие частной собственности, и включение ее в систему, реализующую общественные интересы, что, собственно, и является целью социалистического производства. При подведении итогов Круглого стола в сентябре 2021 г., посвященного столетию НЭПа, было справедливо отмечено В.М. Рынковым, что «...Обозначились различные позиции по поводу его перспектив, ...подводить итоги изучения нэпа преждевременно и его историография находится на очередном этапе тематической и методологической бифуркации. Возможно, мы в начале нового историко-графического цикла» (Рынков и др., 2021).

Была ли экономика СССР периода НЭПа госкапиталистической?

Обратимся в завершении статьи к вопросу о том, была ли экономика периода НЭПа госкапиталистической? На наш взгляд, термин «государственно-капиталистическая» явно плохо отражает сущность НЭПа, так как экономика СССР 1922–1929 гг. не была капиталистической, а строй не был капитализмом. Капитализмом этот строй не был, во-первых, потому что государство по направленности его действий носило пролетарско-крестьянский, просоциалистический характер, то есть ставило задачу строительства социализма и благосостояния трудящихся, а не максимизации прибыли или накопления. А именно нажива, максимизация прибыли и накопления как цели владельцев капитала характерна для капиталистического способа производства и является его неотъемлемой, необходимой чертой. В случае, когда капиталистическое государство является крупным собственником средств производства, его цель – создание и поддержание благоприятных условий для сохранения и развития капитализма как общества, где цель собственников – максимизация накопления. Во-вторых, экономика СССР не была капиталистической и потому, что рынок и рыночное ценообразование, также необходимые для капитализма, играли ограниченную, подчиненную иным целям роль в рассматриваемый период. То есть ни по целям государства, ни по основным институтам и экономическим механизмам экономика СССР периода НЭПа не была капиталистической. А это значит, что нет оснований называть ее государственно-капиталистической.

Ленин назвал экономический строй, который сложился в СССР после введения НЭПа, государственным капитализмом, поскольку иной термин, отражающий переходный характер НЭПа, отсутствовал на тот момент в теории, а также потому что в стране существовали частные предприятия и один из укладов, наличествующих в экономике периода НЭПа, связанный с передачей государственных предприятий в концессию или в аренду зарубежным или российским частным предприятиям, с созданием смешанных предприятий, оправданно был назван государственным капитализмом (Ленин, 1974b. С. 296). Один из укладов, к тому же не получивших сильного развития, но отнюдь не общественный строй!

Советская власть использует государственный капитализм как один из функционирующих укладов, работающий на восстановление народного хозяйства, на

рост благосостояния, подчиненный советской власти и ее социалистическому строительству. Также она допускает и использует частнохозяйственный капитализм и мелкотоварное производство, но они функционируют в рамках, задаваемых социалистически ориентированной властью, регулирующей социально-экономические процессы таким образом, чтобы развитие шло именно в направлении построения социализма. Это принципиально иной экономический строй и иная ситуация по сравнению с огосударствлением некоторых отраслей при капитализме, хотя и такое (капиталистическое огосударствление) может иметь и нередко имеет прогрессивные черты, ускоряя экономическое развитие и/или принося определенные экономические выгоды всем классам¹⁹.

Достаточно быстро подобрать адекватный термин в 1922–1923 гг. было сложно ввиду необычности явления: наличие антикапиталистической власти, допускающей в широких масштабах функционирование частной собственности и частного капитала, но наряду с функционированием государственных предприятий, где «...и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом», которые Ленин, как известно, характеризовал как «предприятия последовательно-социалистического типа» (Ленин, 1970с. С. 374).

При этом Ленин однозначно предупреждал, что этот новый государственный капитализм – совсем не тот, о котором раньше писали в марксистских книжках, и даже не капитализм вообще: «Госкапитализм есть капитализм, – говорил Преображенский, – и только так понимать можно и должно. Я утверждаю, что это есть схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что мы это только впервые теперь переживаем. До сих пор сколько-нибудь путные книжки о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм. Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть» (Ленин, 1970с. С. 117).

Позже этот схоластический для условий Советской России, крайне неудачный термин был многими левыми деятелями и теоретиками не только без глубоких обоснований, но и, наоборот, натягиванием непригодного для этого наименования на нечто принципиально иное, применен ко всему периоду функционирования СССР, вплоть до его распада. В результате экономический строй СССР на всем протяжении своего существования стал нередко характеризоваться как капиталистический. Для этого была сочинена теория нового эксплуататорского класса «номенклатуры» (Восленский, 2005)²⁰. О специфичности термина государственный капитализм как отражающего наличие государственно-капиталистического уклада и частной собственности при командных высотах и цели строительства социализма у государства, объявившего себя государством рабочих и крестьян, было забыто без анализа реальной направленности деяний этого государства в разные периоды существования. Между тем, последовательно социалистический характер СССР

¹⁹ «...Всякая передача промышленных и коммерческих функций в руки государства может иметь в наши дни двоякий смысл и двоякий результат, смотря по обстоятельствам: либо реакционный – шаг назад к средневековью, либо прогрессивный – шаг вперед к коммунизму» (Энгельс, 1964. С. 255).

²⁰ Восленский даже утверждает, что «Реальный социализм» – это государственно-монополистический феодализм» из-за якобы присущего ему внеэкономического принуждения (Восленский, 2005. С. 619), хотя на самом деле таковое никогда не господствовало в СССР и не играло решающей роли в экономике.

с начала 60-х гг., при всех известных его недостатках в виде слабой демократичности и наличия привилегированного слоя партийно-государственных чиновников, вполне очевиден, то есть с момента преодоления сталинщины и свойственной ей крепостнически-милитаристской эксплуатации крестьянства, а также эксплуатации рабочего класса и других слоев.

Возвращаясь к НЭПу, зафиксируем, что в этот период государство, будучи активным участником производственных отношений, стремится задавать такие параметры деятельности частных предприятий, которые включают его деятельность (через регулирование цен, зарплат, условий труда, правила распределения прибыли, налоги, элементы планирования и т.д.) в общую социалистическую направленность экономического развития. Ленин писал: «Надо учиться, добиваться того, чтобы государственный капитализм в пролетарском государстве не мог и не смел выходить из рамок и условий, определенных ему пролетариатом, из условий, которые выгодны пролетариату» (Ленин, 1970с. С. 119). В той мере, в какой это удается советской власти, экономический строй НЭПа не является капитализмом.

В этом смысле термин «смешанная экономика» является более адекватным, так как он предполагает наличие и конкуренцию нескольких укладов, в том числе и социалистический, и госкапиталистический, и частнокапиталистический, и иные. Но он не фиксирует того, какова социально-экономическая направленность регулирующих действий государства, она капиталистическая или социалистическая, или еще какая-то... Тем же недостатком страдает и термин переходная экономика, ибо не фиксирует, в каком направлении идет переход. Ведь он может происходить и от социалистической к капиталистической экономике, в чем мы могли убедиться с конца 80-х гг. Правильным был бы термин, указывающий на переходный характер от капиталистической к социалистической экономике, например, «государственно регулируемая экономика переходного периода от капитализма к социализму» до 1927–1928 гг., несмотря на его непривычную растянутость.

Целесообразно в данной связи вспомнить еще об одной теории госкапитализма в СССР, которая опирается на постулат о том, что социализм может появиться лишь как результат достижения капитализмом столько высокого уровня производственных отношений, при котором и после которого он уже не в состоянии далее развиваться. При этом опираются на мысль Маркса: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» (Маркс, 1959. С. 7-8). Из этой мысли делается следующий простенький вывод: раз капитализм развивался в XX в., значит условия для его гибели, то есть для строительства социализма, не были созданы в 1917 г. Значит, взятие власти большевиками в октябре 1917 г. было несвоевременным, капитализм принципиально не мог быть побежден, а капиталистические производственные отношения изжиты. Они могли лишь трансформироваться в отношения «государственного капитализма», а государство – в нового эксплуататора,

а его функционеры – в новый эксплуататорский капиталистический класс. Такова, например, позиция А.А. Здорова «Госкапитализм и модернизация СССР»²¹. Здоров уверен, что субъективные намерения большевиков противоречили капиталистической реальности, которая и взяла в итоге верх окончательно в 1991 г.²². Между тем, Ленин после 25 октября в 1917 г. недвусмысленно говорил и писал о социалистическом характере произошедшего переворота и формулировал как победу социализма ситуацию, когда обеспечены «рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация их, национализация банков, создание высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны» (Ленин, 1974с. С. 102).

Указанное выше обоснование характеристики всего периода существования СССР как государственного капитализма кажется трудно опровержимым, так как опровергнуть сам факт отставания России в первой четверти XX в. от развитых стран Запада невозможно, как и то, что капитализм в XX в. продемонстрировал очевидный потенциал развития. Между тем, указанная точка зрения очевидным образом противоречит реальной диалектике становления нового способа производства и является не более, чем софизмом. Новый способ производства появляется не тогда, когда прежний уже полностью «выдохся», и всем, в том числе правящему классу, стала очевидна его несостоятельность и понятны основные контуры нового, следующего способа производства. Как показывает опыт смены феодализма капитализмом, отдельные важные элементы капиталистического способа производства появляются задолго, за века до исчерпания феодализмом своего потенциала развития. Также задолго до появления очевидных кризисных явлений в феодализме начинаются борьба эксплуатируемых классов против эксплуатирующих и борьба среди верхних слоев общества. Эта общая борьба, борьба сложная и многовековая, с одной стороны, способствует в итоге низвержению феодализма, а с другой – постепенному утверждению ряда черт, элементов производственных отношений и институтов, свойственных капитализму, например, денежного обращения, развития банковской системы, международной торговли, расширения круга лиц, обладающих формальной свободой и не имеющих гарантированных средств к существованию, развитием найма рабочей силы и т.д.

Видимо, центральным моментом в этом сложном и многовековом процессе является в Европе освобождение крестьянства от крепостничества. Вехами этого сложного и многостороннего процесса являются период Ренессанса (с начала XVI в.). Реформация, начавшаяся с выступления Мартина Лютера в 1517 г., Крестьянская война в Германии (1524–1525 гг.), 80-летняя борьба за независимость и революция в Нидерландах, Английская буржуазная революция, Французская буржуазная революция. Все эти сложные процессы в разных сферах общественного бытия и сознания вели постепенно к разложению феодализма и развитию, накоплению капиталистических черт в течение, как минимум, пяти веков, если вести отсчет от Ренессанса до Французской буржуазной революции, хотя и она отнюдь не означала завершение становления капитализма. И длительное сохранение ряда феодальных пережитков при господстве капиталистических отношений также яв-

²¹ Здоров А.А. Госкапитализм и модернизация СССР. Раздел «Октябрь 1917-го: социалистическая революция или вспомогательный момент буржуазной? – URL: <http://communism21.org/books/zdorov> (дата обращения: 26.01.2022).

²² Еще одна версия этого же рассуждения – торжество государственного феодализма в СССР – версия М. Восленского, упомянутая ранее.

ляется естественным результатом данного эволюционного процесса.

Аналогично и процесс становления социализма займет не один век и будет озаглавлен неоднократными попытками его строительства, прежде чем он станет господствующим в целом ряде стран, в том числе развитых. При этом нужно принимать во внимание, что этот процесс уже начался, и начался давно. Во всяком случае, развитие социалистических учений в XIX в. свидетельствует о том, что процесс критики капитализма и вызревания в нем социалистических идей, которые в дальнейшем «становятся материальной силой», в XIX в., если не раньше, уже начался. И этот процесс, вкупе с развитием производительных сил, подготавливает первые попытки осуществления социалистической революции и реализации социалистического способа производства.

Ответ на вопрос, были ли уже построены при той или иной исторической попытке капиталистические производственные отношения, стали ли они доминирующими, требует специального анализа. Точно так же и понять, были ли установлены социалистические производственные отношения в той или иной стране, установились ли они как доминирующие, можно, только проанализировав реальные производственные отношения, сопоставив их с понятием социализма, с сущностью этого понятия.

По своей сущности социализм, как уже было сказано выше, – это ассоциированный, коллективистский способ производства «...на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» (Маркс, 1960. С. 773), это планомерное производство в интересах всех, осуществляемое преимущественно посредством обобществленных средств производства. И с этой точки зрения общественный строй СССР с 60-х гг. до примерно 1987–1988 гг., безусловно, является социалистическим²³, при всех его противоречиях и недостатках, которые вынуждают считать его раннесоциалистическим (Эпштейн, 2016). В дополнение можно напомнить уже цитированные слова Маркса о том, что «...сама задача /построения социализма – ДЭ/ возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» (Маркс, 1959. С. 8).

Когда Плеханов и другие писали /и пишут – ДЭ/ о невозможности перехода к строительству социализма в России в первой четверти XX в., они, аргументируя, указывали на неготовность России к этому, на слабость и отставание ее экономического развития. Но какой же уровень экономического и социального развития можно считать достаточным? Ленин, как известно, писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» (Ленин, 1970с. С. 381). Более того, он предупреждал, что для революционной партии недопустимо пассивное ожидание соответствующего «умственного развития народных масс»: «Если социализм может быть осуществлён только тогда, когда это позволит умственное развитие народных масс, тогда

²³ Это вполне очевидно следует из анализа социально-экономической политики государства в этот период (Эпштейн, 2016).

мы не увидим социализма даже и через пятьсот лет... Социалистическая политическая партия – авангард рабочего класса; она не должна позволить, чтобы ее останавливал низкий уровень развития масс, а должна вести массы за собой, пользуясь Советами, как органами революционной инициативы» (Рид, 1958. С. 242)²⁴.

С учетом опыта СССР можно попытаться определить тот минимальный уровень развития производительных сил и социального развития, при котором могут начаться успешные (хотя бы на значительный исторический период) попытки построения социализма. Во-первых, это должен быть, очевидно, такой уровень развития капитализма, при котором ярко и негативно, с очевидной для всех классов общества силой, проявляются его противоречия, и прежде всего, противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Таким ярким проявлением можно считать регулярные и глубокие циклические кризисы, сопровождаемые усилением бедствий для масс и усилением классового противостояния в обществе, появлением партий социалистического направления и усилением их позиций в обществе, массовой поддержкой идей социализма среди пролетариата и интеллигенции.

Уровень концентрации промышленного производства в ведущих отраслях должен быть таким, при котором большую часть продукции отрасли производят крупные (несколько сот человек и более занятых) предприятия. Это важно с точки зрения осуществления в дальнейшем реальной планомерности, которая необходима для снятия противоречия между интересами общества и стихийным ведением производства нескоординированными мелкими производителями. Важен также уровень развития технических средств коммуникации и транспорта (телефон, телеграф, почта, иные средства связи, железные дороги), без чего невозможно оперативное взаимодействие субъектов общественного производства и оперативная реакция управляющих органов, достаточно быстрое оперирование материальными ресурсами. Наконец, необходим такой уровень развития сельского хозяйства в стране, который позволял бы надежно и достаточно качественно кормить ее население и создать необходимые резервы как для чрезвычайных ситуаций (иностранное вторжение, стихийные бедствия), так и для экспорта. Подчеркнем, что мы в данном абзаце говорим об уровне развития производительных сил и производственных отношений, а не политической надстройке и соответствующих институтов, не о политическом развитии различных классов общества как субъектов политического действия (о чем речь будет далее).

На наш взгляд, все перечисленные условия выполнялись для России в первой четверти XX в., хотя городское население было относительно немногочисленным (15,3% в 1913 г. от всего населения). Но высокая концентрация промышленного пролетариата в столицах (Москве и Петербурге) обеспечивала выполнение социального условия перехода к строительству социализма в случае революционной ситуации – возможность взятия власти и ее удержания. Ленин особо обращал внимание на важность этого условия в работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (Ленин, 1974с). При этом относительная малочисленность

²⁴ В Полном (пятом) собрании сочинении Ленина слова о пятисотлетнем ожидании в соответствующей фразе опущены: «Партия – это авангард класса, и задача ее вовсе не в том, чтобы отражать среднее состояние массы, а в том, чтобы вести массы за собой» (Ленин, 1974а. С. 94). Однако Джон Рид, конечно, не придумал этих слов, тем более что Ленин написал в 1919 г. предисловие к американскому изданию этой книги (Там же. С. 5).

фабрично-заводского пролетариата компенсируется его концентрацией в крупных городах, организованностью и политическим опытом, при наличии такового²⁵.

Наиболее слабым местом в части развития производительных сил для перехода к строительству социализма в России было развитие сельского хозяйства, не гарантирующее от серьезного голода в случае стихийных бедствий или социальных противостояний, что, собственно, и подтвердилось в ходе НЭПа (Эпштейн, 2017). Этому способствовало также догматическое, ошибочное отношение большевиков к крестьянству как классу, в массе, за исключением, может быть, бедняков, противостоящему социализму, стремление силовым путем добывать продовольствие. Однако, как показано выше, при последовательном проведении принципов НЭПа проблема производства и закупок необходимого количества зерна могла быть решена ненасильственно при понимании того, что социализм не отрицает постепенного, эволюционного, добровольного перехода от мелкотоварного сельскохозяйственного производства к крупно-товарному, можно было бы избежать и многочисленных жертв, и добиться значительно больших успехов на пути строительства социализма.

Обратимся теперь к вопросам политического развития. Безусловно, благоприятной при переходе к строительству социализма (через насильственную социалистическую политическую революцию или мирным путем) является ситуация, когда основные классы общества, в том числе, рабочий класс, превратились в «классы для себя», то есть обладают богатым политическим опытом, имеют достаточно сильные политические партии, налицо демократические традиции, развитое гражданское общество и т.д., и при этом в обществе созрело стремление к социализму. Если такой благоприятной ситуации нет, если определенные шаги к демократизму были сделаны лишь несколько лет назад, как это было в России в 1917 г., если нет демократической культуры и достаточно высокого уровня образования рабочего класса, если узок слой интеллигенции, то велика вероятность того, что при насильственном взятии власти партиями социалистического направления будет сформирована недемократическая власть и этот недемократизм сохранится на долгие годы. И это при том, что в царской России имело место наличие массовой поддержки идей социализма среди пролетариата и интеллигенции. Пережитки феодализма, проявляющиеся в отсутствии демократических традиций, в авторитарном построении политических партий и иных общественных институтов, не могут не сказаться на характере того общества, которое будет складываться при свержении прежнего строя. Социалистические черты будут сочетаться в нем с низким демократизмом и сильной чиновничьей властью, что и делает его раннесоциалистическим. Заметим, однако, что и тот капитализм, который может возникнуть при поражении раннего социализма, также, безусловно, будет существенный период времени нести черты недемократизма, олигархизма, бюрократизма, что мы и наблюдаем уже более 30 лет.

Таким образом, социализм как ассоциированный, коллективистский способ производства, как планомерное производство мог победить и победил на опреде-

²⁵ «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме» (Ленин, 1974с. С. 23).

ленный период в СССР как ранний социализм. Но мог ли он стать более производительным, более экономически эффективным, чем высокоразвитый капитализм, это другой вопрос, и он выходит за рамки темы данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Бородкин Л.И. (2016). Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. – С.-Петербург: Алетейя. – 306 с.

Бородкин Л.И., Свищев М.А. (1992). Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование иммитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. – М.: Наука. – С. 348–365.

Булавка-Бузгалина Л.А. (2013). Пролетарские массы и культура: преодоление отчуждения // Философские науки. – № 12. – С. 74-88.

Голанд Ю.М. (1991). Кризисы, разрушившие НЭП. – М.: Международный НИИ проблем управления. – 98 с.

Восленский М. (2005). Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Захаров. – 640 с.

Гурьянов П.А. (2013). Уровень жизни рабочих в Российской империи и в Советском Союзе (1885-1941гг.) // Гуманитарные научные исследования. – № 11. – URL: <http://human.snauka.ru/2013/11/5059> (дата обращения: 26.01.2022).

Есиков С.А. (2010). Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». – 246 с.

Ильиных В.А. (2010). Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». – 343 с.

XVI Конференция ВКП(б). (1929). Стенографический отчет. – М.: Госиздат.

Куйбышев В.М. (1931). План социалистического строительства на 1931 г. – URL: https://istmat.info/files/uploads/43372/v.kuybyshev_plan_socialisticheskogo_stroitelstva_na_1931_g.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

Ленин В.И. (1970а). О продовольственном налоге. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 43. – М.: Госполитиздат. – 561 с.

Ленин В.И. (1970b). Третий Конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о тактике РКП. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. – М.: Госполитиздат. – С. 34-54.

Ленин В.И. (1970с). Письмо В.М. Молотову для Пленума ЦК РКП(б). Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. – М.: Госполитиздат. – С. 60-62.

Ленин В.И. (1970с). XI Съезд РКП(б). Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б). Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. – М.: Госполитиздат. – С. 117-130.

Ленин В.И. (1970с). О кооперации. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. – М.: Госполитиздат. – С. 369-377.

Ленин В.И. (1970с). О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова). Полное собрание сочинений. Т. 45. – М.: Госполитиздат. – С. 378-382.

Ленин В.И. (1974а). Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Письмо в редакцию «Правды». Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. – М.: Госполитиздат. – С. 102-104.

Ленин В.И. (1974b). О левом ребячестве и мелкобуржуазности. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. – М.: Госполитиздат. – С. 283-314.

Ленин В.И. (1974c). Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 40. – М.: Госполитиздат. – С. 1-24.

Ленин В.И. (1981). Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. – М.: Госполитиздат. – 696 с.

Маркс К. (1959). К критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. – М.: Госполитиздат. – С. 1-167.

Маркс К. (1960). Капитал. Критика политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. – М.: Госполитиздат. – 920 с.

Маркс К. (1961). Критика Готской программы. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. – М.: Госполитиздат. – 670 с.

Народное хозяйство СССР. (1932). Статистический справочник 1932 г. – М., Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство.

Народное хозяйство СССР в цифрах (1860–1938). (1940). – М.: Московский рабочий.

Народное хозяйство СССР (1922–1972). (1972). Юбилейный статистический ежегодник. – М.: Статистика. – 848 с.

Попов В., Шмелев Н. (1989). На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития / Осмыслить культ Сталина. – М.: Прогресс. – С. 284-327.

Рид Д. (1958). Десять дней, которые потрясли мир. – М.: Госполитиздат. – 352 с.

Рынков В.М., Ильиных В.А, Кондрашин В.В., Бородкин Л.И., Клисторин В.И., Побережников И.В., Зиновьев В.П., Корнилов Г.Е., Николаев А.А., Килин А.П., Пушкарев В.С. (2021). Круглый стол «НЭП – итоги и перспективы изучения» // Гуманитарные науки в Сибири. – Том 28. – № 4. – С. 5-17. DOI: 10.15372/HSS20210401.

Сенявский А.С. (2020). Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? // Вопросы теоретической экономики. – № 3. – С. 168-182.

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). (1926). Стенографический отчет. – М.: Государственное издательство. – 1042 с.

Троцкий Л. (2013). Книга третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф. – 464 с.

Энгельс Ф. (1964). Энгельс – Вильгельму Бракке в Брауншвейг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. – М.: Госполитиздат. – С. 255-257.

Эпштейн Д.Б. (2016). Социализм XXI века. Вопросы теории и оценки опыта СССР. – М.: Ленанд. – 528 с.

Эпштейн Д.Б. (2017). Сталинская коллективизация: была ли альтернатива? // Альтернативы. – № 4. – С. 91-106.

Barber J., Harrison M. (2000). The Soviet Defence Industry Complex from Stalin to Khrushchev. Basingstoke and London: Macmillan Press. Pp. 99-117.

Borodkin L., Svishchev M. (1991). Pre-collectivization peasantry social dynamics: retroprognosis: application of alternative models. Historical Social Research. № 16(2). Pp. 25-39. – URL: <https://doi.org/10.12759/hsr.16.1991.2.25-39>.

Hunter H. (1988). Soviet Agriculture with and without Collectivization, 1928-1940 // Slavic Review, Summer. Vol. 47. № 2. URL: <https://www.jstor.org/stable/2498462>.

H. Hunter, J.M. Szyrmer (1992). Faulty Foundations. Soviet Economic Policies, 1928-1940. Princeton. – 355 p.

David B. Epshteyn¹

NEP AS THE BEGINNING OF PROGRESS TOWARD SOCIALISM: A REACTUALISATION*

Keywords: *socialism, USSR, New Economic Policy, commodity-money relations, state regulation, socialism, state capitalism.*

REFERENCES

Barber J., Harrison M. (2000) *The Soviet Defence Industry Complex from Stalin to Khrushchev.* Basingstoke and London: Macmillan Press.

Borodkin L.I. (2016) *Modeling of historical processes: from the reconstruction of reality to the analysis of alternatives.* St. Petersburg: Aletheia. – 306 p. (In Russ.)

Borodkin L., Svishchev M. (1991) *Pre-collectivization peasantry social dynamics: retroprognosis: application of alternative models.* *Historical Social Research.* 16 (2). Pp. 25-39. <https://doi.org/10.12759/hsr.16.1991.2.25-39>.

Borodkin L.I., Svishchev M.A. (1992) *Retroprediction of the social dynamics of the pre-collective farm peasantry: the use of imitative-alternative models.* In: *Russia and the USA at the turn of the 19th-20th centuries. Mathematical methods in historical research.* M.: Pp. 348-365. (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina L.A. (2013) *Proletarian Masses and Culture: Overcoming Alienation // Filosofskienauki (Philosophical sciences).* № 12. Pp. 74-88. (In Russ.)

XIV Congress of the All-Union Communist Party (b). (1926) *Verbatim report.* Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo (State publishing house). – 1042 p. (In Russ.)

XVI conference of the CPSU (b). (1929) *Verbatim report.* M. Gosizdat. (In Russ.)

Engels F. (1964) *Engels – Wilhelm Brakke In Braunschweig.* Marx K., Engels F. Op. T. 34. M.: Gospolitizdat. Pp. 255-257. (In Russ.)

Epstein D.B. (2016) *Socialism of the 21st century. Questions of theory and evaluation of the experience of the USSR.* M.: Lenand. – 528 p. (In Russ.)

Epstein D.B. (2017) *Stalinist collectivization: was there an alternative? // Alternatives.* № 4. Pp. 91-106. (In Russ.)

Esikov S.A. (2010) *The Russian Village in the Years of NEP: On the Question of Alternatives to Stalin's Collectivization.* M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya

¹ **David B. Epstein**, Prof., Dr. of economic sciences, chief researcher of the St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (SPC RAS), Institute of Agricultural Economics and Rural Development, St. Petersburg, Russia (epsteindb@gmail.com).

* **JELcodes:** P20, P26, P31, E11.

Citation: Epstein D.B. (2022). NEP as the beginning of progress toward socialism: a reactualisation. *Problems in Political Economy*, № 2 (30): 40-66.

DOI: 10.5281/zenodo.6881193 <https://zenodo.org/record/6881193>

(Russian political encyclopedia (ROSSPEN). Foundation «Presidential Center B.N. Yeltsin». – 246 p. (In Russ.)

Goland Yu.M. (1991) Crises that destroyed the NEP. M.: Mezhdunarodny`j NII problem upravleniya. – 98 p. (In Russ.)

Guryanov P.A. (2013) The standard of living of workers in the Russian Empire and in the Soviet Union (1885–1941) // Гуманитарные научные исследования (Humanitarian scientific research). № 11. URL:<http://human.snauka.ru/2013/11/5059> (Date of access: 26.01.2022). (In Russ.)

Hunter H. (1988) Soviet Agriculture with and without Collectivization, 1928–1940 // Slavic Review. Summer. Vol. 47. № 2. Pp. 203-216. URL:<https://www.jstor.org/stable/2498462>

H. Hunter, J.M. Szyrmer (1992) Faulty Foundations. Soviet Economic Policies, 1928-1940. Princeton. – 355 p.

Ilinykh V.A. (2010) Chronicles of the Grain Front (Procurement Campaigns of the Late 1920s in Siberia). M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya (ROSSPE`N); Fond «Prezidentskij centr B.N. El`cina»». – 343 p. (In Russ.)

Kujbyshev V.M. (1931). Plan of socialist construction for 1931. URL: https://istmat.info/files/uploads/43372/v.kujbyshev_plan_socialisticheskogo_stroitelstva_na_1931_g.pdf (Date of access: 02.03.2022).

Lenin V.I. (1970a) About the food tax. Lenin V.I. Full coll. op. T. 43. M. Gospolizdat. – 561 p. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970b) Third Congress of the Communist International. Report on the tactics of the RCP. Lenin V.I. Full coll. op. T. 44. M.: Politizdat. Pp. 34-54. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970c) Letter to V. M. Molotov for the Plenum of the Central Committee of the RCP(b). V. I. Lenin. Full coll. op. T. 45. M.: Politizdat. Pp. 60-62. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970c) XI Congress OF THE RKP(b). Closing remarks on the political report of the Central Committee of the RCP(b). Lenin V.I. Full coll. op. T. 45. M.: Gospolizdat. Pp. 117-130. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970c) About cooperation. Lenin V.I. Full coll. op. T. 45. M.: Gospolizdat. pp. 369-377. (In Russ.)

Lenin V.I. (1970c) About our revolution (on the notes of N. Sukhanov). Lenin V.I. Full coll. op. T. 45. M.: Gospolizdat. Pp. 378-382. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974a) An alliance of workers with working and exploited peasants. Letter to the editors of Pravda. Lenin V.I. Full coll. op. T. 35. M.: Gospolizdat. Pp. 102-104. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974b) On left-wing childishness and petty-bourgeoisness. Lenin V.I. Full collected op. T. 36. M.: Gospolizdat. Pp. 283-314. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974c) Elections to the Constituent Assembly and the dictatorship of the proletariat. Lenin V.I. Full coll. op. T. 40. M.: Gospolizdat. Pp. 1-24. (In Russ.)

Lenin V.I. (1981) Children's disease of «leftism» in communism. Lenin V.I. Full coll. op. T. 41. M.: Gospolizdat. – 696 p.

Marx K. (1959) To the criticism of political economy. Marx K., Engels F. Op. T. 13. M.: Gospolizdat. Pp.1-167. (In Russ.)

Marx K. (1960) Capital. Criticism of political economy. Marx K., Engels F. Op. T. 23. M.: Gospolizdat. – 920 p. (In Russ.)

Marx K. (1961) Criticism of the Gotha program. Marx K., Engels F. Sobr. op. V. 19. M.: Gospolizdat. – 670 p. (In Russ.)

The national economy of the USSR in figures (1860–1938). (1940) М.: Moskovskijrabochij. (In Russ.)

The national economy of the USSR (1922–1972). (1972) Anniversary Statistical Yearbook. М.: Statistika. – 848 p. (In Russ.)

The national economy of the USSR. (1932) Statistical reference book 1932. М., Leningrad: Gosudarstvennoesocial'no-e'konomicheskoeizdatel'stvo. (In Russ.)

Popov V., Shmelev N. (1989) At the fork in the road. Was there an alternative to the Stalinist model of development. In: To comprehend the cult of Stalin. М.: Progress. Pp. 284-327. (In Russ.)

Reed D. (1958) Ten days that shook the world. М.: Gospolizdat. – 352 p. (In Russ.)

Rynkov V.M., Ilinykh V.A., Kondrashin V.V., Borodkin L.I., Klistorin V.I., Poberezhnikov I.V., Zinoviev V.P., Kornilov G.E., Nikolaev A.A., Kilin A.P., Pushkarev V.S. (2021) Round table «NEP – the results and prospects of the study» // Gumanitarny`enauki v Sibiri (Humanitarian sciences in Siberia).Vol. 28.№ 4.Pp. 5-17. DOI: 10.15372/HSS20210401 (In Russ.)

Senyavsky A.S. (2020) Was there an alternative to curtailing the new economic policy? // Voprosy` teoreticheskoyekonomiki (Questions of theoretical economics). № 3. Pp. 168-182. (In Russ.)

Trotsky L. (2013) Book three. Oppositionist. 1923-1929 М.: Izdatel'stvoCentropoligraf (Publishing house Tsentrpoligraf). – 464 p. (In Russ.)

Voslensky M. (2005) Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union. М.: Zakharov. – 640 p. (In Russ.)